

Роль китайских государственных компаний в инновационной политике КНР¹

М. Глотова,

м.н.с. ИМЭМО РАН

В статье рассмотрены вопросы участия компаний с государственным участием в инновационном развитии Китая. Проанализированы основные этапы реформирования китайских госкомпаний, а также основные проблемы и ограничения реализации их инновационного потенциала. В частности, отмечено, что при большом влиянии госкомпаний на инновационные процессы в КНР, преувеличенный акцент правительства на данных субъектах ведет к искажению рыночных сигналов, невысокой эффективности госпредприятий, отвлечению ресурсов от успешных частных компаний и вызовам для их конкурентоспособности. Сделан вывод о целесообразности органического разделения функции агентов развития между госпредприятиями и частными компаниями и расширении системы государственно-частных партнерств как способа скорректировать сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: *Китай, инновационная политика, компании с государственным участием, инновационное и технологическое развитие*

M.Glotova. State-Owned Enterprises in Chinese` National Innovation Policy

The article highlights issues of State-Owned Enterprises (SOEs) influence on China`s innovation development. Key stages of SOEs reforms are analyzed, as well as most important problems and limitations for realization of SOEs innovation potential. In particular, it is stressed that despite SOEs significantly affect innovation processes in PRC, government enhanced accents on these agents distorts market signals, leads to SOEs insufficient efficiency, divert resources from successful private companies and challenges their competitiveness. Conclusion is made that more organic division of agency functions between SOEs and private enterprises and widening of public-private partnerships could be a rational solution for correcting the situation.

Key words: China, innovation policy, State-Owned Enterprises, innovation and technology development

Компании с государственным участием – предприятия, в которых государство является крупнейшим или единственным акционером – занимают значимое положение в экономике

---

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-02-00615 «Компании с государственным участием как агенты инновационного развития страны происхождения: сравнительный анализ опыта России, Франции и КНР»

Китай и уже давно являются по-настоящему глобальными игроками. В 2015 г. в списке Fortune Global 500 из 98 китайских компаний 76 являлись государственными. Причем по прогнозам китайского экономиста из университета Циньхуа Ху Аньгана, количество государственных компаний в Fortune Global 500 к 2020 г. достигнет 130 [1].

Поскольку в КНР государственные компании рассматриваются в качестве «руководящей силы национальной экономики», а также «ключевым звеном в реформировании экономической системы» [19, p.18], они призваны сыграть ведущую роль также и в процессе перехода китайской экономики к новому типу развития, в котором доминирует не фактор дешевой рабочей силы, а инновации. Иными словами, госкомпании должны стать «агентами» или инструментами инновационного развития, компенсирующими ограничения китайских предприятий иных форм собственности (сложность долгосрочного стратегического планирования, ориентация на прибыль, а не на структурные изменения ВВП, естественные рыночные ограничения на доступ к ресурсам и т.д.), а также очевидное нежелание западных компаний вкладывать средства в опережающее инновационно-технологическое развитие КНР. Показательно, что, не считая менее известных примеров, такие компании как ZTE и CNPC не только наращивают производственный потенциал и глобальное присутствие, но и являются быстрорастущими технологическими игроками в своих отраслях.

Решение поставленной властями КНР задачи формирует целый ряд исследовательских вопросов. С учетом вызовов развития китайской экономики в целом, а также трансформации самих госкомпаний в по-настоящему динамичные и экономически эффективные корпорации, наиболее важным из них является оценка инновационного потенциала госкомпаний – и, как следствие, их способности выполнять вменяемые им функции – в контексте политики государства. Данному вопросу и посвящена предлагаемая работа

История развития и типология госкомпаний

Изначально, термин «государственная компания» использовался в отношении предприятий, которые полностью принадлежали государству. До 1990-х годов их деятельность шла по «двухколейной» системе, то есть сочетания плановой (преимущественно) и рыночной деятельности. Госкомпании находилась под контролем министерств или региональных/местных властей и выполняли задачи, поставленные в ведомственных планах по выпуску продукции, прибыли и т.п.

В 1990-е годы феномен и само определение претерпели изменения [13, р.4-5]. В 1994 г. прошла реформа, разделившая владение компанией и ее управление. Государственные компании были реформированы в акционерные предприятия с современным типом совета директоров, так что при сохранении за государством прав владения компанией и контроля над ней, большая автономия формально была предоставлена высшему менеджменту предприятия [4, р.5]. Изменения были зафиксированы даже на терминологическом уровне. В китайском языке употребляются два термина: 国 企 – компания, управляемая государством, и 国有企 业 – компания, во владении государства. Первый термин относится к периоду до 1995 г., второй – к современному периоду, причем в равной степени они относятся и к государственному сектору экономики: 国 企 和 国有 企业 – за соответствующие периоды [19].

Однако проблемы как избыточного контроля со стороны органов государственной власти, так и финансовой и операционной эффективности госкомпаний сохранялись [6, р.3]. Актуальность задачи возросла в связи с финансовым кризисом 1998 г. в Азии и необходимостью поддерживать высокие темпы экономического роста КНР.

С целью оптимизации деятельности, снижения издержек и повышения экономического потенциала субъектов в госсобственности прошла консолидация госсектора – в основном за счет поглощения мелких госкомпаний крупными (под лозунгом 抓大放小 - «держат крупное, отпускают мелкое»). Всего за период реформы 1995-2004 гг. количество государственных предприятий, принадлежащих органам власти всех уровней, снизилось с около 118 тыс. до около 25 тыс. компаний. [8, р.10-11; 10, р.88-89] С 2003 г. процесс укрупнения госкомпаний вошел в принципиально новую стадию, на которой дальнейший рост предприятий обеспечивался уже за счет слияния и поглощения предприятий иных форм собственности, преференциальных условий получения господдержки (в том числе, как условие инвестиционного «бума») и искусственных конкурентных преимуществ для роста на отечественном рынке за счет нетарифных и иных ограничений на развитие иностранных компаний (например, в сфере телекоммуникаций [4, р.13; 2, р.27]).

С 1996 по 2005 гг. прошла волна приватизации и реструктуризации госкомпаний: в общей сложности в руки частного бизнеса перешло до 2/3 государственного сектора экономики (в основном малые и/или «нестратегические» компании). Целью данной реформы являлось повышение эффективности предприятий и поддержка перехода от плановой экономики к де-факто рыночной [3, p.5; 6, p.3]. Многие госкомпании провели размещение акций на биржах [4, p.6-7]. В 2011 г. на Шанхайской и Шеньчженьской биржах было зарегистрировано 1047 государственных китайских компаний, причем они составили 44,7% от всех зарегистрированных на бирже предприятий. Многие госкомпании также регистрировались на Гонконгской, Лондонской, Сингапурской и Нью-Йоркской и других зарубежных биржах.

В 2003 г. оформилась система управления госсобственностью на национальной уровне. Были созданы Комитет по контролю и управлению государственным имуществом (известен под своей английской аббревиатурой: SASAC) и государственная инвестиционная компания Central Huijin Investment Ltd. К Комитету перешло управление большей частью государственных производственных предприятий, находившихся ранее под контролем отраслевых ведомств, а к инвестиционной компании – небанковские государственные финансовые структуры (государственные банки регулируются отдельно) [13, p.8]. Результатом реформы стало, опять же, дальнейшее снижение уровня непосредственного государственного вмешательства [4, p.6].

Сформировавшаяся система госкомпаний имеет сложный характер.

Крупнейшие и наиболее значимые с точки зрения и экономики, и инновационного потенциала предприятия находятся в собственности центрального правительства [13, p.8-9]. В 2013-2014 гг. к их числу относилось более 100 компаний, контролировавших активы общей стоимостью более 5,5 трлн долл. в самом Китае и около 700 млрд долл. – за рубежом [10, p. 86].

Эти компании, в свою очередь, подразделяются на две группы на основании их стратегической значимости и размеров. Первая группа из 53 компаний характеризуется как «важные основные государственные компании» и включает в себя крупнейшие предприятия, имеющие стратегическое значение для экономики КНР и глобальное присутствие. Это, оборонная промышленность, нефтегазовая отрасль, электроэнергетика, телекоммуникации, гражданская авиация [4, p.13; 6, p.3; 10, p.85] и иные отрасли, связанные с обеспечением экономического развития КНР – от «нефтяной» Sinopec и ее «родительской» CNPC, до China Mobile [22]. Вторая группа включает в себя все прочие компании: от крупных компаний и известных мировых игроков, например, Sinosteel, до менее значимых предприятий и даже исследовательских институтов [10, p.86-87].

Инновации в государственных компаниях и их влияние на китайскую инновационную систему

Государственные компании в Китае исторически рассматриваются в качестве приоритетных инструментов структурной перестройки экономики. Сложилась и в большей или меньшей степени сохраняется до настоящего времени система так называемых «национальных чемпионов» - госкомпаний, которым приданы «стратегические» функции в сфере социально-экономического, в том числе научно-технологического и инновационного развития страны.

Этот акцент был обновлен с 2006 г. в рамках курса на создание «внутренних инноваций» и перехода к экономике знаний, зафиксированного в «Государственном средне- и долгосрочном плане развития науки и технологий (2006-2020)» [17, p.56].

Причины подобного подхода очевидны. Опираясь в ключевых отраслях экономики и находясь под все еще достаточно сильным прямым влиянием партийно-политических структур, имея приоритетный доступ к ресурсам и возможность реализации мероприятий с неоднозначной коммерческой составляющей, госкомпании способны (теоретически) обеспечить более амбициозные и долгосрочные результаты.

Помимо инвестиций – в том числе приобретения перспективных зарубежных компаний, НИОКР и иных мероприятий, госкомпании могут выполнять также целый ряд сопутствующих функций, значимых для развития китайской инновационной системы, включая, в отдельных случаях, трансфер зарубежных технологий на китайский рынок (то есть не только для собственного пользования, но и в интересах всех хозяйствующих субъектов).

Для выполнения поставленных задач, крупнейшие госкомпании в наукоемких секторах экономики получают льготный доступ к кадровым ресурсам, мероприятиям целевых госпрограмм, субсидиям на НИОКР, льготным займам и иным инструментам поддержки [4, p.11-12; 2, p. 26-29].

Между тем, вопрос об эффективности избранного подхода и инновационного потенциала самих госкомпаний остается открытым.

С формальной точки зрения, мы наблюдаем целый ряд успешных примеров в авиационной и космической и ряде иных «стратегических» отраслей. Однако за пределами ряда областей, избранный фокус на госкомпании как национальные чемпионы – по крайней мере в его теперешнем виде – оправдывает себя лишь ограниченно.

Наиболее иллюстративны в данном отношении данные по доле госкомпаний в экспорте продукции «хай-тек» (Рис.1) – ключевом для китайского технологического сектора показателе. Наблюдаемое падение доли китайских госпредприятий не может быть объяснено только лишь

переходом части их в частную или иные виды собственности, но явно являются показателем низкой конкурентоспособности госсектора в целом.

Рис. 1 – Структура экспорта высокотехнологической продукции из КНР (1996-2005 гг.) по видам собственности предприятий

Источник: [12, p.14]

Что касается НИОКР и патентов, то госкомпании показывают, опять же, крайне сложную картину. До 2011 г. наблюдался умеренный рост числа и даже доли их заявок на отечественные патенты относительно компаний других форм собственности. Выросло и число их заявок на международные патенты (PCT) и патенты, зарегистрированные в США и ряде иных юрисдикций. Однако зарубежные исследователи отмечают относительно низкий уровень утилизации объектов интеллектуальной собственности в отгруженной продукции госпредприятий – что подтверждается вышеуказанными данными по доле госкомпаний в экспорте. Кроме того, указывается на несоответствие динамики прироста патентов объемам господдержки, а также общий низкий потенциал инновационного развития госпредприятий относительно компаний прочих форм собственности [15, p.46, 55-56, 193-194; 20, p.886-888].

Ситуацию хорошо иллюстрирует конкуренция двух успешных китайских компаний «хай-тек» – государственной ZTE и частной Huawei. Сравнение является корректным, поскольку обе компании работают на одних и тех же сегментах рынка (телекоммуникационная сфера, персональная электроника и пр.), являются международными брендами, крупнейшими патентообладателями КНР и даже основаны в одном городе – Шеньчжэне. Однако темпы их роста и иные показатели различаются существенно, демонстрируя усиливающееся лидерство Huawei даже несмотря на различные прямые и косвенные меры господдержки ZTE. В Huawei более чем в 2 раза больше занятых в сфере НИОКР и международных патентных заявок – в т.ч. поданных в Патентное бюро США² и т.д. [9, p.7-22]. При этом ZTE, как можно понять, является более последовательным партнером национальных структур НИОКР, т.е. играет роль инструмента развития [9, p.2014].

Существует как минимум три причины сложившейся неоднозначной ситуации.

Во-первых, даже с учетом впечатляющего экономического роста 1990-2000-х годов, налицо феномен «низкого старта». Показательно, что по собственным оценкам китайских функционеров и СМИ, по состоянию на середину 2000-х годов даже несмотря на активную поддержку со стороны правительства, свыше 75% госкомпаний даже не имели научно-

---

² США является одним из ключевых для обеих компаний зарубежных рынков, кроме того, американские патенты подтверждают мировой уровень разработок компаний, что не всегда справедливо для патентов, зарегистрированных в КНР и иных развивающихся странах.

технологического персонала [11, p.17-18; 15, p.56]. Более того, большей части госкомпаний и не требуются инновационно-технологические работы, выходящие за границы приобретения и эффективного использования нового оборудования и техники.

Во-вторых, превращение целого ряда гражданских госкомпаний (за счет господдержки, преференциального регулирования – включая мощные нетарифные ограничения и иные мероприятия) в фактические монополии априори снижало их потенциал развития. Не считая очевидного искажения рыночных сигналов (где государственные представления о перспективах и приоритетах подменяли рынок) проблемой, как можно понять, является рентное поведение. Несмотря на наличие в ряде отраслей конкуренции между двумя или более крупными госкомпаниями, речь нередко шла не так о достижении технологического совершенства, как о доступе к господдержке.

Как и в западноевропейских странах в 1980-х годах и в России в 2000-2010-х годах, подобная ситуация привела к целому ряду громких «провалов» или весьма невнятных результатов. Одним из наиболее известных примеров является формирование национального стандарта 3G, призванного обеспечить преимущества китайским субъектам в освоении национального рынка – с потенциалом накопления технологических компетенций и последующей международной экспансии. С 2006 г. ключевые китайские корпорации, представляющие услуги мобильной связи (China Mobile, China Telecom и China Unicom), вели в жесткой конкуренции работы по созданию собственного стандарта TD-SCDMA – частично разрабатывая собственные, частично выкупая зарубежные технологии у европейских и японских компаний. Однако итоговые разработки имели целый ряд существенных недостатков. Как следствие, после неудачных испытаний в 2009 г. Министерство промышленности и информатизации было вынуждено приобрести зарубежные технологии стандарта 3G, которые затем были переданы двум «национальным чемпионам» - China Unicom и China Telecom. China Mobile, доминирующий игрок на рынке мобильной связи, сохранили собственный стандарт, однако к этому периоду в мире уже шли работы по 4G, так что основное внимание компания переключила на разработку китайских аналогов технологий следующего поколения [11, p.29-30].

Наконец, значимым фактором является все еще избыточный уровень контроля со стороны партийно-политических структур – что, с одной стороны, ориентирует госкомпания не так на операционную эффективность, как на усилия по поддержанию хороших отношений с государством, а, с другой, ведет к появлению массы внеэкономических требований к субъектам в госсобственности, снижающим возможности их нормального развития.

Как легко можно заметить, исключая естественные вопросы качества человеческого капитала и уровня научно-технологического потенциала КНР (как естественных ограничителей

инновационного развития всех видов китайских предприятий), большая часть указанных ограничений связана, скорее, с проблемами системы управления госкомпаниями со стороны центральных органов власти. Очередной попыткой разрешить ситуацию стала реформа 2015 г.

Реформирование государственных компаний до 2020 года: ключевые проблемы и вызовы

Осмысление предшествующего опыта на фоне изменения глобальной рыночной конъюнктуры и динамики развития экономики КНР привели руководство страны к мысли о необходимости ускорения и углубления экономических преобразований с опорой на инновации – и в том числе госкомпаний как значимой части этого уравнения.

В 2013 г. было выдвинуто предложение о новой реформе государственных компаний (до 2020 г.), направленной на повышение их коммерческой эффективности и конкурентоспособности в глобальных масштабах. В сентябре 2015 г. Государственный совет КНР опубликовал основные положения предстоящей реформы [7; 8, p.12; 11, p.85-86; 21].

Несмотря на до настоящего времени спорные результаты – и с учетом накопленного опыта – государственные компании и в рамках новой реформы сохраняют за собой роль ключевого национального инструмента социально-экономического, в том числе инновационного развития [10, p.87]. С целью же повышения отдачи и качества развития госкомпаний предполагается, по сути, продолжить основные направления реформ, определенные еще в 1990-е годы.

Государственные компании предполагается разделить на две категории: «общественные» и «коммерческие». Первые будут направлены на обеспечение общественного благосостояния (в том числе, создание базовых условий развития экономики), а вторые – на обеспечение высоких коммерческих показателей. К ним предполагается применить «двухколейный» подход, то есть ставить стратегические цели и оценивать эффективность деятельности указанных типов компаний по разным критериям. В очередной раз планируется расширить автономию Советов директоров, но контроль (в противовес микроменеджменту) над органами управления будет усилен. Допускается продажа акций частным компаниям и смешанное владение компанией, что призвано как привлечь дополнительные средства для развития предприятий, так и повысить эффективность их управления.

В целом, реформа направлена на дальнейший рост гибкости и эффективности – с акцентом на «рыночные» госкомпании, которые, судя по всему, в новой схеме рассматриваются как ключевые драйверы национального инновационного развития.

Усилия по повышению инновационной эффективности госкомпаний был акцентирован и в новой национальной программе комплексной технико-технологической модернизации

экономики КНР «Сделано в Китае 2025». Показательно, что премьер Госсовета КНР Ли Кэцян даже подчеркнул, что Программа направлена в том числе на улучшение показателей глобальной конкурентоспособности китайских государственных компаний и рост их экспортных возможностей в сфере высокотехнологичных производств [14, p.12].

В обеспечение обновленных задач проводится дальнейшая консолидация госкомпаний, кадровые перестановки и борьба с коррупцией, формирование более эффективных практик и систем управления предприятиями, изменение принципов ценообразования и иных аспектов госполитики на регулируемых рынках [14, p.12; 10, p.90-91, 93-94, 96]. Одновременно, развивается необходимая инновационная инфраструктура и иные мероприятия, призванные обеспечить лучшие возможности перехода крупнейших госкомпаний на инновационный путь развития. Не считая упомянутой программы «Сделано в Китае 2025», в данном отношении можно упомянуть о специальном венчурном фонде с капиталом 30,2 млрд. долл., который был создан в 2016 г., решением Государственного совета КНР для поддержки инноваций в государственных компаниях [7].

Выводы

Роль китайских государственных компаний в развитии национальной инновационной системы достаточно высока. Но было бы неоправданным считать, что потенциал их актуализации как агентов развития исчерпан – или что они, напротив, являются современными и эффективными предприятиями

В настоящий момент их сложившаяся роль в большей мере определяется доступом к партийно-политическому руководству и ресурсам, масштабом деятельности (too big to fail) и «стратегичностью» задач, связанных с созданием «китайских» инноваций – и вытекающими отсюда идеологемами «необходимости» опоры на госбизнес как важный источник развития. В ряде высококапиталоемких отраслей, особенно там, где так или иначе приходится конкурировать с зарубежными компаниями или с целыми экономиками, подобный подход дает свои плоды (по крайней мере, пока). Однако наиболее динамичные и инновационные отрасли – от телекома до здравоохранения – испытывают ряд серьезных проблем развития.

С одной стороны, сложившаяся ситуация ведет к определенному искажению мотивов инновационной деятельности госкомпаний (от подмены рыночных и технологических приоритетов бюрократическими и до реализации рентного подхода) и невысокой эффективности по-настоящему «прорывных» мероприятий развития. Ситуацию усугубляют слабый менеджмент, постоянное вмешательство госструктур в управление, а также достижение сверхкрупных масштабов бизнеса, делающих управление еще менее гибким.

С другой – преувеличенный акцент на госкомпаниях снижает ресурсное обеспечение и, в определенной мере, возможности освоения национального рынка прочими видами бизнеса КНР, которые демонстрируют более качественные результаты. Государственные компании оттесняют своих частных конкурентов от источников господдержки, получают лучший доступ к банковским кредитам, части кадров, формированию регулирования и пр. [2, p.27-29]. Данный феномен носит название 国进民退 – «государство приходит, народ отступает» (в данном случае речь идет о частном секторе экономики [4, p.4]).

Объявленные реформы, особенно курс на привлечение частного капитала в госсектор экономики, могут улучшить ситуацию, но маловероятно, что улучшат ее кардинально. Скорее, их основным результатом станет дальнейшее укрупнение государственных компаний, которой сделает их еще менее гибкими и эффективными.

Таким образом, очевиден конфликт политических и экономических приоритетов развития, который характерен для китайской инновационной системы и экономики в целом.

Выходом из сложившегося положения могла бы стать более взвешенный подход к инновационной политике. Речь, в частности, идет об органическом разделении функции агентов развития между госпредприятиями и частными компаниями, расширении системы государственно-частных партнерств и кооперации с частными субъектами, курс на отход от проактивного вмешательства в политику госкомпаний (включая смягчение практики «бюрократического» формирования приоритетов) в пользу ограниченных схем влияния на менеджмент предприятий (рамочные KPI, блокпакеты, «золотая акция» и пр.) и иные меры.

Однако отказ от прежней традиции и признание новых реалий оказывается сложным и даже болезненным процессом, связанным с глубокими структурными реформами. Как показывает реформа 2015 г., к подобному «фазовому переходу» китайские власти пока не готовы. Однако процессы либерализации идут, власти осознают необходимость поэтапного отказа от дирижизма – что дает госкомпаниям КНР новые шансы на реализацию своего инновационного потенциала.

Литература

1. Cendrowski S. China's Global 500 companies are bigger than ever—and mostly state-owned. *Fortune*, July 22, 2015. Режим доступа: <http://fortune.com/2015/07/22/china-global-500-government-owned/> (Дата обращения: 10.11.2016).
2. Cheng L., Lei Z. Does the expansion of Chinese state-owned enterprises affect the innovative behavior of private enterprises? *Asia-Pacific Journal of Accounting & Economics*. 2015, Vol. 22, №1, p.24-54.

3. Fang L., Lerner J., Wu C. Intellectual Property Rights Protection, Ownership, and Innovation: Evidence from China. Working Paper 17-043, 2016, November 21. Режим доступа: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/17-043_1ef8c8f7-1a51-49f6-8e3a-76333b195e4e.pdf (Дата обращения: 12.01.2016).
4. Gang F. A. N., Hope N. The role of state-owned enterprises in the Chinese economy. In: *US-China 2022: Economic Relations in the Next 10 Years*. The China-US Exchange Foundation, 2013. Режим доступа: http://www.chinausfocus.com/2022/index-page_id=1480.html (Дата обращения: 10.10.2016).
5. Girma S., Gong Y., Görg H. What Determines Innovation Activity in Chinese State-owned Enterprises? The Role of Foreign Direct Investment. *World Development*. 2009, Vol. 37, №4, p.866-873
6. Grieger G. State-owned enterprise (SOE) reforms in China: A decisive role for the market at last? *European Parliamentary Research Service*. May, 2016. Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/583796/EPRS_BRI\(2016\)583796_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/583796/EPRS_BRI(2016)583796_EN.pdf) (Дата обращения: 03.10.2016).
7. Hsu S. China Pushes For Innovation In State-Owned Enterprises, But Is Change Possible? *Forbes*, 2016, Aug. 22. Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/sarahsu/2016/08/22/china-innovation-state-owned-enterprises/#3f7d6ceb5110> (Дата обращения: 01.10.2016).
8. Jefferson G. State-Owned Enterprise in China: Reform, Performance, and Prospects. Brandeis University. Working Paper Series, 2016, August 12. Режим доступа: http://www.brandeis.edu/departments/economics/RePEc/brd/doc/Brandeis_WP109.pdf (Дата обращения: 03.10.2016).
9. Kang B. The Innovation Process of a Privately-Owned Enterprise and a State-Owned Enterprise in China. IDE Discussion Papers. No.470, July 2014. Режим доступа: http://ir.ide.go.jp/dspace/bitstream/2344/1352/1/ARRIDE_Discussion_No.470_kang.pdf (Дата обращения: 02.10.2016).
10. Leutert W. Challenges Ahead in China's Reform of State-Owned Enterprises. *Asia Policy*. 2016, №21, p. 83–99. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Wendy-Leutert-Challenges-ahead-in-Chinas-reform-of-stateowned-enterprises.pdf> (Дата обращения: 03.10.2016).
11. McGregor J. China's Drive for 'Indigenous Innovation'. A Web of Industrial Policies. The U.S. Chamber of Commerce, 2011. 45 p. Режим доступа: https://www.uschamber.com/sites/default/files/legacy/reports/100728chinareport_0.pdf (Дата обращения: 01.10.2016).

12. OECD. China. OECD Reviews of Innovation Policy. Synthesis Report. Paris: OECD Publishing, 2007. 68 p. Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/inno/39177453.pdf> (Дата обращения: 10.10.2016).
13. OECD. State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence. OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets. 26 January, 2009. 19 p. Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/ca/corporategovernanceofstate-ownedenterprises/42095493.pdf> (Дата обращения: 10.10.2016).
14. PriceWaterHouseCoopers. State-Owned Enterprises: Catalysts for public value creation? 2015. 48 p. Режим доступа: <https://www.pwc.com/gx/en/psrc/publications/assets/pwc-state-owned-enterprise-psrc.pdf> (Дата обращения: 03.10.2016).
15. Prud'homme D. A statistical analysis of China's patent quality situation and larger innovation ecosystem. MPRA Paper No. 51619, August 2012. 48 p. Режим доступа: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/51619/> (Дата обращения: 10.12.2016).
16. Serger S.S., Bredne M. China's Fifteen-Year Plan for Science and Technology: An Assessment. *Asia Policy*, 2007, №4, p.135–164
17. Szamoszegi A., Kyle C. An Analysis of State-owned Enterprises and State Capitalism in China. U.S.-China Economic and Security Review Commission. October 26, 2011. Washington, DC: Capital Trade, Incorporated, 2011. 122 p. Режим доступа: http://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/10_26_11_CapitalTradeSOEStudy.pdf (Дата обращения: 30.11.2016)
18. The Economist. Fixing China Inc. *The Economist*. 2014, Aug 30. Режим доступа: <http://www.economist.com./news/china/21614240-reform-state-companies-back-agenda-fixing-china-inc>. (Дата обращения: 01.12.2016)
19. The Institute of Contemporary China Studies. 中国共 ▪ 党 ▪ 于国有企 ▪ ▪ 展与改革的探索. 2011, Apr. 30. Режим доступа: <http://www.iccs.cn/contents/401/11928.html> (Дата обращения: 10.08.2016).
20. Xiaoqing D., Jian Z., Pengwei Y. Research on Innovation Efficiency Loss of State-Owned Enterprises: An Empirical Analysis in China Based on DEA. *Computer Modelling & New Technologies*. 2014, Vol.18(12C), p. 883-889
21. Xinhua. China eyes breakthroughs in SOE reform. 2016, Dec. 23. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/23/content_27753459.htm (Дата обращения: 23.12.2016).
22. Xinhua. “国有重要骨干企 ▪ ”有哪些? -新 ▪ 网. 2015, Jan. 30. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/video/sjxw/2015-01/30/c_127440169.htm (Дата обращения: 12.12.2016).

